КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1881 года № 38 23-го сентября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Въ чемъ обвиняютъ духовенство и справедливы ли эти обвиненія?

Въ послѣднее время свѣтская печать начала интересоваться дѣлами церкви и современнымъ состояніемъ православнаго духовенства и предлагать и тамъ и здѣсь необходимыя по ея мнѣнія поправки, измѣненія и улучшенія. Повидимому, остается только радоваться, видя, что церковь и ея служители, до сихъ поръ какъ бы не существовавшіе для свѣтской печати, заслужили наконецъ вниманіе этой послѣдней. Но, къ сожалѣнію, должно сказать, что послѣ прочтенія свѣтскихъ статей о духовенствѣ въ душѣ человѣка, близко заинтересованнаго этимъ сословіемъ и близко его знающаго, проявляется болѣзненное чувство недовольства и грусти. Особенно въ этихъ статьяхъ непріятно поражаетъ намѣренное группированіе только темныхъ сторонъ въ жизни духовенства, подчеркиванье только тѣхъ фактовъ, въ которыхъ представители церкви выставляются со смѣшной, непривлекательной стороны. „Девять добрыхъ дѣлъ пастыря, говорятъ „Моск. Церк. Вѣд.", обличители его видя не видятъ, десятое—ошибку, слабость, непредусмотрительность, необдуманность они старательно отмѣчаютъ въ своей памятной книжкѣ; преувеличиваютъ, искажаютъ, расширяютъ въ общую характеристику и трубятъ о ней во всѣ концы. Девяносто девять пастырей они пропускаютъ мимо глазъ, на сотомъ-немощномъ, преткнувшемся останавливаютъ свой пристальный взоръ и вопіютъ: „вотъ цѣлая сотня пастырей недостойныхъ своего званія". „Какую ни встрѣтишь свѣтскую газету, говоритъ прот. Поповъ въ „Церк. Вѣст.", непремѣнно дочитаешься въ ней до смѣшнаго разсказа объ архіереѣ, священникѣ, діаконѣ". На основаніи подобнаго рода съ анекдотическимъ характеромъ разсказовъ и другихъ провинціальныхъ корреспонденцій, въ которыхъ небольшая доля правды всегда пересыпана изобильнымъ вымысломъ и ложью *), составляются журнальныя статьи, въ которыхъ отдѣльные неприглядные случаи изъ жизни и дѣятельности духовенства обобщаются и выдаются какъ характеризующіе цѣлое сословіе: по этимъ отзывамъ духовенство представляетъ изъ себя ни болѣе, ни менѣе какъ обособившійся отъ общества классъ церковныхъ требоисправителей и чиновниковъ духовнаго вѣдомства, преслѣдующихъ только свои узкія, именно корыстныя цѣли,—это будто бы сортъ людей нравственно выродившійся, лѣнивый, апатичный къ общему благу и не только ничего обществу не дающій, но еще будто бы вносящій въ него разлагающее вліяніе: „Если вручить нашу зарождающуюся школу теперешнему духовенству, говорится въ „Русской Рѣчи", то въ

*) Изъ цѣлаго ряда нелѣпыхъ извѣстій напомнимъ читателю корреспонденціи о „попѣ и дьяконѣ", перегрызшихъ горло солдату,—случай, расчитанный, очевидно, на эффектъ, но по справкамъ оказавшійся вполнѣ ложнымъ.

ней очень скоро не осталось бы даже отдаленнаго намека на религіозно-нравственныя начала. Мы, конечно, сами бы стояли за врученіе духовенству народной школы, еслибы наше духовенство переродилось въ своихъ глубоко укоризненныхъ свойствахъ, еслибы вмѣсто жреца православнаго капища униженно звенящаго кошелькомъ и жадно обирающаго пироги, мы вдругъ увидѣли бы просвѣщеннаго наставника народа въ благочестивой жизни и благочестивыхъ помыслахъ" (январ. кн. 395 стр.). „Священники, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, являются не пастырями душъ, не учителями народа, а мелкими чиновниками церковнаго вѣдомства, въ услугахъ которыхъ не особенно нуждается властное дворянство и бюрократія, но которые, подобно становымъ приставамъ и волостнымъ старшинамъ, могутъ держать въ нѣкоторой зависимости мелкій деревенскій людъ и извѣстнымъ образомъ эксплуатировать его въ свою пользу". Не менѣе рѣзкіе, но не болѣе безпристрастные и вѣрные отзывы о духовенствѣ можно читать въ томъ же журналѣ за іюнь прошедшаго года, въ журналѣ „Слово" (ст. „Пастыри и овцы") и въ др. Какъ въ этихъ статьяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ замѣткахъ и корреспонденціяхъ бросается въ глаза, какъ мы сказали, намѣренное выставленіе тѣневой стороны, которая, мы не отрицаемъ, присуща дѣятельности духовенства, какъ она присуща всему человѣчеству и всему земному. Но какъ вездѣ и во всемъ, такъ въ особенности въ жизни и дѣятельности духовенства на ряду съ нѣкоторыми недостатками существуетъ рядъ положительныхъ сторонъ, добрыхъ свойствъ и чертъ, благодѣтельно отражающихся въ народной жизни. Но всѣ эти свѣтлыя черты не только отодвигаются на задній планъ, но и совсѣмъ игнорируются перечисленными выше статьями свѣтской печати. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ дѣятельности нашего духовенства только тьма, грязь, жажда къ наживѣ и апатія къ народной бѣдѣ и народному горю? Неужели такъ и нѣтъ въ этой сферѣ ничего свѣтлаго, живительнаго облагораживающаго, нѣтъ ничего что было бы достойно не осужденія и глумленій, а похвалы и благодарности? Такъ ли? Правда, дѣятельность многихъ мірскихъ дѣятелей можно взвѣсить, измѣрить, она видна и осязаема; тотъ вылѣчилъ столько-то больныхъ этотъ поймалъ столько-то злоумышленниковъ, одинъ исписалъ стопу бумаги, другой „выжалъ" тысячу недоимки и т. п. Но кто въ состояніи вычислить, скольких тотъ или другой пастырь спасъ отъ самоубійства, сколькихъ остановилъ на пути къ убійству другихъ, сколькихъ предостерегъ отъ воровства и другихъ пороковъ, сколькимъ доставилъ утѣшеніе въ страданіяхъ, поселилъ надежду въ отчаяніи,—все это записано въ сердечныхъ глубинахъ народа и не поддается наблюденію, но тѣмъ не менѣе это такой же реальный фактъ, какъ дѣятельность врачей, становыхъ и т. п. Помимо этого духовный пастырь, по самой сущности своего служенія, поставленъ въ такія условія, при которыхъ его дѣятельность заслуживаетъ уваженія, а вовсе не порицанія. Какими бы черствыми и апатичными къ чужому горю и бѣдѣ ни рисовала свѣтская печать служителей церкви, всетаки они имѣютъ сердце, а не камень вмѣсто него; а чье сердце не содрогнется, не заноетъ и не откликнется болью и скорбью при видѣ бѣдствій народа, его слезъ, проливаемыхъ надъ умершими, его безысходнаго горя во время голода, эпидемій? А духовный пастырь есть ближайшій и постоянный свидѣтель этихъ стоновъ народныхъ, ближайшій его сострадалецъ и его утѣшитель. Скажутъ, что священникъ присмотрѣлся къ народному горю, видъ народныхъ страданій не тяготитъ его души, не омрачаетъ его душевнаго настроенія. „Не вѣрьте, православные, скажемъ словами поэта, привычкѣ есть предѣлъ: нѣтъ сердца, выносящаго безъ нѣкоего трепета предсмертное хрипѣніе, надгробное рыданіе, сиротскую печаль".

Повторяемъ, что въ жизни и дѣятельности православнаго духовенства есть много положительныхъ добрыхъ сторонъ, даже болѣе: эта дѣятельность въ общемъ представляетъ изъ себя свѣтлую картину, а не картину изъ однихъ мрачныхъ пятенъ и тѣней, какую рисуетъ свѣтская, предзанятая печать. Правда, и въ жизни духовенства, какъ мы уже замѣчали, есть явленія ненормальныя; встрѣчаются личности и дѣятели, заслуживающіе порицанія, но эти явленія—случайныя, такіе дѣятели составляютъ исключеніе, а дѣлать заключенія отъ частнаго къ общему, недостатки отдѣльныхъ единицъ переносить на цѣлое сословіе нелогично и несправедливо. Стоитъ только внимательно разсмотрѣть обвиненія, направленныя противъ духовенства, чтобы видѣть всю ихъ несостоятельность. Въ чемъ же свѣтская печать обвиняетъ духовенство и можно-ли за тѣ или другіе нравственные недостатки, замѣчаемые въ жизни отдѣльныхъ церковныхъ дѣятелей, возводить на степень общаго въ духовенствѣ явленія? Главные пункты обвине-

нія слѣдующіе: духовенство бездѣятельно, жадно и корыстолюбиво и не вліяетъ въ добрую сторону на народъ. Духовенство бездѣятельно! Не обезпеченное вѣрными средствами къ жизни и вынужденное, въ общей своей массѣ, самымъ чернымъ и тяжелымъ трудомъ снискивать себѣ кусокъ хлѣба, духовенство тѣмъ не менѣе временне и безвременне бдительно стоитъ на стражѣ своего служенія; въ то время, какъ другіе дѣятели предаются сладкому сну, пастыри церкви „утреннюютъ утреннюю глубоку и пѣснь приносятъ Владыцѣ"; въ то время, какъ всѣ другія сословія дышатъ пріятнымъ воздухомъ бульваровъ или наслаждаются театромъ или концертомъ, пастыри совершаютъ всенощное бдѣніе или въ тиши своей убогой комнаты обдумываютъ слово назиданія, во всякое время дня и ночи приходятъ къ одру умирающаго, ведутъ съ нимъ исповѣдальную бесѣду и напутствуютъ его св. Тайнами; еще задолго до всякаго вопроса объ общественномъ образованіи, уже тысячи крестьянскихъ дѣтей выходили изъ домашнихъ школъ духовенства обученными чтенію и письму, начаткамъ христіанской вѣры и основнымъ правиламъ нравственности—и все это называютъ бездѣятельностію! Въ заключеніе по обвиненію нашего духовенства въ бездѣятельности приведемъ художественно-вѣрныя слова поэта: „дороги наши трудныя, приходъ у насъ большой; болящій, умирающій, рождающійся въ міръ не избираютъ времени: въ жнитво, и въ сѣнокосъ, въ глухую ночь осеннюю, зимой, въ морозы лютые и въ половодье весеннее иди—куда зовутъ. Идешь безропотно". Что касается жадности и корыстолюбія духовенства, то оно по справедливости состоитъ въ слѣдующемъ: въ то время какъ волостной писарь, сельскій фельдшеръ, всякій служитель въ опредѣленное время получаютъ опредѣленную плату за свой трудъ и получаютъ ее не какъ милостыню, но какъ должное, по праву, и потому не гнутъ рабски своей спины, не унижаютъ своего я въ самомъ его основаніи, пастырь церкви съ подавленнымъ самочувствіемъ вынуждается пригибать себя и унижать свое высокое дѣло грубо нищенскимъ способомъ полученія милостыни за свой трудъ, протягиваніемъ руки послѣ каждаго служебнаго дѣла. Здѣсь именно и кроется тотъ мрачный источникъ, изъ котораго страшнымъ призракомъ возстаетъ предъ нами мнимая жадность и корыстолюбіе пастырей. Чтобы священникъ ни сдѣлалъ, какую бы требу ни совершилъ, за всѣмъ онъ протягиваетъ руку, за все получаетъ плату, „деретъ съ живаго и мертваго", ну, какъ же онъ не жаденъ? Такова, къ сожалѣнію, внѣшняя сторона дѣла, сторона непригладная, правда, но въ которой духовенство нисколько не повинно; напротивъ, оно само тяготится этимъ протягиваніемъ руки, оно само ждетъ не дождется, когда избавятъ его отъ этой „жадности и корыстолюбія". Разсматривая же дѣло въ его существѣ, нужно сказать по поводу обвиненія духовенства въ корыстолюбіи, что еще ни одно сословіе, ни одинъ классъ общества никогда не терпѣлъ отъ жадности духовенства; никто въ такой мѣрѣ не трудится въ пользу другихъ лицъ, сословій и разныхъ учрежденій безвозмездно, безкорыстно, какъ пастыри, нигдѣ въ наше время не существуетъ такая ничтожная плата за трудъ духовенства—и въ этомъ то духовенствѣ усматриваютъ страсть къ наживѣ, корыстолюбіе! У человѣка только кости обтянуты кожей, а ему говорятъ: ты лопнешь отъ жиру. Смѣло можно сказать, что если бы всѣ классы общества, отъ низшихъ до высшихъ, страдали своекорыстіемъ пастырей, но не болѣе, то хорошо бы жилось тогда на свѣтѣ.

Не справедливо, наконецъ, обвиненіе духовенства въ недостаточности добраго вліянія на народъ. Нами выше уже замѣчено, что дѣятельность въ такой сферѣ, какъ сфера народной нравственности, трудно поддается измѣренію, поэтому и результаты ея вліянія не бросаются рѣзко въ глаза; но это не даетъ права отрицать какъ самую дѣятельность, такъ и ея благотворное вліяніе. Не будь этого вліянія пастырей на народные нравы и народное чувство, быть можетъ народная нравственность, подъ вліяніемъ разлагающаго вліянія города, фабрикъ и „ушкуйниковъ", людей въ народѣ ходящихъ, явилась бы передъ нами неизмѣримо ниже того уровня, на какомъ находится она въ настоящее время. Если народъ крѣпокъ еще вѣрою, силенъ любовью къ Царю и преданъ отечеству, если деревня привлекаетъ еще насъ простотою жизни, искренностію отношеній, если народъ живетъ еще „по Божьему", старается дѣлать дѣло „по душѣ", „по совѣсти", ищетъ въ жизни „правды" и вѣруетъ крѣпко въ бытіе этой правды, то сохраненіемъ всѣхъ этихъ и другихъ добрыхъ качествъ народной жизни общество несомнѣнно обязанно вліянію церкви и ея служителей. Безспорно, что въ народѣ нашемъ есть много грубыхъ суевѣрій, разъѣдающихъ пороковъ; безспорно также, что вліяніе пастырей церкви на народъ могло бы быть болѣе

широкое и болѣе плодотворное, но въ этомъ случаѣ духовенство неповинно: оно, елико возможно при тѣхъ условіяхъ, какими обставлена его жизнь, дѣлаетъ свое доброе дѣло. „Печально, справедливо говоритъ Ц. О. В., что на наше духовенство валятся всевозможные упреки за общественныя нестроенія. Духовенство виновато во всемъ, духовенство отвѣчаетъ за все, а между тѣмъ это самое духовенство всѣми пренебрегается и въ своихъ правахъ и въ своихъ интересахъ“ (1881 г. № 54). Не можемъ не привести по поводу упрековъ и обвиненій свѣтскихъ людей по отношенію къ духовенству слѣдующихъ справедливыхъ словъ духовнаго лица: „мы худы, замѣните насъ хорошими; мы жадны, замѣните безкорыстными; мы лѣнивы, бездѣятельны, апатичны, замѣните насъ энергичными, дѣятельными, усердными. Мы охотно уступимъ свои мѣста и будемъ съ уваженіемъ смотрѣть на тѣхъ, которые понесутъ наше дѣло лучше насъ. Осуждать рыцаря за безсиліе, не попытавшись поднятъ его меча, это болѣе чѣмъ легкомысліе. Мы, нынѣ служащее духовенство, не рождаемся священниками, мы дѣлаемся ими, всякому это возможно; но практика говоритъ, что мало охотниковъ изъ русскаго общества, которые приняли бы на себя трудъ разумнаго, дѣятельнаго честнаго и, главное, безкорыстнаго служенія народу въ званіи духовнаго лица. Всѣ ищутъ свѣтлой, богатой жизни; всѣ гоняются за теплыми, безпечальными мѣстами. Ахъ, какъ эффектно изъ богатой, сытой обстановки укорять темныхъ, безвѣстныхъ, скорбныхъ тружениковъ среди православнаго люда!“ (Ц. О. В. 1881 г. № 22—23).

Въ заключеніе мы не можемъ не остановиться еще на одномъ упрекѣ, который дѣлаетъ духовенству журналъ „Слово“ (ст. „Пастыри и овцы“) и который состоитъ въ томъ, что наше духовенство очень мало обращаетъ вниманія на бытъ народа, на изученіе его внутренней, домашне-обыденной жизни. Нужно сказать правду, что упрекъ этотъ заслуженный, что духовенство дѣйствительно не особенно было усердно въ изученіи народной жизни; а это изученіе такъ важно для цѣлей самаго пастырскаго служенія и такъ много внесло бы въ нашу науку о народѣ. Духовенство, какъ сословіе ближе другихъ стоящее къ народу, должно обратить серіозное вниманіе на это важное дѣло, тѣмъ болѣе оно должно этимъ заняться, что для него болѣе, чѣмъ для всякаго другаго, представляется поводовъ и способовъ заглянуть въ душу народа, узнать его міровоззрѣнія, его предразсудки и суевѣрія и т. п. (*Под. еп. вѣд.*)

Еще два слова объ отношеніи свѣтской литературы къ духовенству.

Трудное время переживаетъ нынѣ наше духовенство; трудное не по неудовлетворительности только своего внутренняго нравственнаго и матеріальнаго быта, но главнымъ образомъ по отчужденію, по неблагопріятнымъ отношеніямъ къ нему общества. Вывѣскою этихъ отношеній со стороны интеллигентнаго общества является свѣтская журналистика и литература. Что мы видимъ здѣсь? Въ публицистическихъ ли статьяхъ о духовенствѣ, въ извѣстіяхъ ли и сообщеніяхъ изъ жизни духовенства свѣтская журналистика переполнена сужденіями и сообщеніями отрицательнаго свойства; частные факты, часто извращенные и ложные, тенденціозно выдаются за обычныя, постоянныя явленія, и въ этомъ обобщеніи даютъ поводъ къ огульному порицанію, которое нерѣдко съ какимъ-то злорадствомъ и ожесточеніемъ бросается въ лицо всему духовенству. Этому исключительно-отрицательному отношенію къ духовенству, огульному осужденію его слѣдуетъ и такъ называемая изящная литература, служащая, какъ говорятъ, отраженіемъ жизни, пульсомъ общественнаго мнѣнія. Литература эта давно уже отвыкла отъ изображенія свѣтлыхъ положительныхъ типовъ бѣлаго духовенства, въ родѣ о. Туберозова и дьякона Ахиллы, такъ мастерски и художественно и вмѣстѣ въ такимъ сочувствіемъ очерченныхъ г. Лѣсковымъ въ его „Соборянахъ“. Нынѣ она рисуетъ намъ въ духовенствѣ типы то какихъ-то кулаковъ-міроѣдовъ, выжимающихъ у крестьянина послѣдніе соки, то отчаянныхъ пьяницъ, то по меньшей мѣрѣ апатичныхъ требоисправителей, чуждыхъ всякихъ заботъ высокаго пастырскаго служенія. Какой, напримѣръ, длинный рядъ пасквилей на духовенство представляютъ собою, тенденціозные разсказы изъ духовнаго быта, помѣщаемые въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ особенности послѣдній изъ нихъ „Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ“, („Вѣст. Европы“ 1881 г. іюнь и іюль), выдающій давно забытые пошлые анекдоты изъ быта духовенства за характеристическія явленія нашего времени! Но не одни только органы извѣстнаго нашего направленія, а и такіе серіозные журналы, какъ „Русскій Вѣстникъ“, даютъ нынѣ только совершенно отрицательные типы бѣлаго молодаго „современнаго духовенства, изображая въ немъ полное отсутствіе «духовности», простирающееся до атеизма (?!), и внутреннюю безсодержательность и тупость, соединенную съ жалкимъ

чванствомъ, хотя и прикрытую внѣшнею порядочностію („Русскій Вѣстникъ“ 1881 г. августъ, см. „Переломъ“ характеристику о. Пареена). Изящная литература не уклоняется отъ изображенія высокихъ религіозныхъ типовъ; но такихъ типовъ ищетъ уже не въ бѣломъ духовенствѣ, а среди или монашествующаго духовенства или религіозныхъ людей изъ мірянъ. Таковы личности отца Зосимы и Алеши въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“. Черта также замѣчательная, какъ неоспоримый признакъ несочувствія къ *бѣлому* духовенству.

Какъ относиться къ этому господствующему въ литературѣ порицанію и осужденію духовенства? Грустное, болѣзненное чувство возбуждаетъ оно въ душѣ человѣка вѣры и церкви. Игнорировать этого факта нельзя; нельзя и относиться къ нему съ пренебреженіемъ какъ безусловно-фальшивому, не имѣющему никакихъ основаній. Не будемъ отрицать, что въ общемъ строѣ жизни духовенства есть стороны, требующія измѣненія и условливающія въ извѣстной степени несочувствіе къ духовенству общества; не будемъ отрицать и неприглядныхъ явленій въ жизни частныхъ лицъ изъ духовенства, среди котораго, какъ и во всякой другой средѣ, встрѣчаются личности и съ недостатками. Не будемъ однакоже и смущаться этимъ безусловнымъ и огульнымъ осужденіемъ духовенства; смущенія оно не заслуживаетъ, такъ какъ оно не справедливо, такъ какъ недостатки и несовершенство въ духовенствѣ далеко не оправдываютъ того пренебреженія и тѣхъ порицаній, какимъ нынѣ подвергается наше духовенство едвали не болѣе, чѣмъ духовенство всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Можно констатировать какъ несомнѣнный тотъ фактъ, что темный фонъ, въ какомъ представляется наше духовенство свѣтской интеллигенціи и свѣтской печати, зависитъ весьма много, если не исключительно, не отъ предмета наблюдаемаго, а отъ самаго субъекта наблюдающаго, отъ органа зрѣнія, не обладающаго нормальнымъ здоровьемъ. Въ наше интеллигентное общество глубоко въѣлся секуляризмъ, т. е. внутреннее отчужденіе отъ религіи и всего духовнаго, секуляризмъ, который, являясь слѣдствіемъ петровскихъ реформъ, проникаетъ и свѣтскую школу, и свѣтскую семью и весь складъ жизни и воззрѣній людей свѣтскихъ. Для огромнаго большинства этой свѣтской интеллигенціи область вѣры и церкви есть нѣчто весьма далекое и чуждое, стоящее внѣ ея жизненныхъ интересовъ. Пробавляясь лишь весьма скудною дозою и религіознаго знанія и религіознаго чувства, она безъ сомнѣнія и къ церкви и духовенству не можетъ относиться иначе какъ, съ пренебреженіемъ, и совершенно неспособна при сужденіяхъ о духовенствѣ видѣть далѣе внѣшнихъ отрицательныхъ фактовъ и смягчать свои приговоры чувствомъ уваженія къ служителямъ церкви.

Само собою разумѣется, что этотъ секуляризмъ заявляетъ себя еще сильнѣе въ тѣхъ органахъ нашей либеральной печати, которые завѣдомо руководятся людьми еврейскихъ и польскихъ симпатій; здѣсь мы уже можемъ встрѣтить въ сужденіяхъ о духовенствѣ и тенденціозную ложь и открытую вражду. Между тѣмъ, при всей своей несправедливости, всяческіе кривые толки и порицанія духовенства оказываютъ на общество глубоко-вредное вліяніе. На ту среду, откуда выходятъ дѣятели вѣры и церкви, огульное порицаніе духовенства дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. У многихъ, начинающихъ нравственный подвигъ служенія въ церкви, опускаются руки, многіе желавшіе и готовившіеся вступить на этотъ трудный путь, уклоняются отъ него, многіе изъ мірянъ удаляются отъ церкви еще болѣе; отъ интеллигенціи холодность и отчужденіе отъ церкви и духовенства проникаетъ болѣе и болѣе и къ простому народу; для сѣятелей всякихъ великосвѣтскихъ и простонародныхъ расколовъ расчищается поле...

Добрыя дѣла духовенства, по самому свойству своему, менѣе доступны наблюденію и менѣе извѣстны, чѣмъ дурныя; они и не нуждаются въ намѣренномъ и искуственномъ выставленіи на показъ. Тѣмъ не менѣе было бы не безполезно знакомить общество съ дѣятельностію духовенства, пастырскою, проповѣдническою, народно-образовательною—знакомить посредствомъ ежегодныхъ епархіальныхъ отчетовъ, начало которымъ, по нѣкоторымъ частямъ, уже положено въ нѣкоторыхъ епархіяхъ.

Духовная печать не должна также игнорировать частныхъ сообщеній самого духовенства о своей дѣятельности, сообщеній, которыя могутъ служить добрымъ примѣромъ и руководствомъ, а вмѣстѣ и вѣскимъ отвѣтомъ на огульныя порицанія духовенству... *В.*

Собесѣдованія и ихъ значеніе для сближенія священника съ прихожанами.

Въ послѣднее время, по почину Москвы и Петербурга, во многихъ епархіяхъ по городамъ и се-

ламъ ведутся внѣбогослужебныя церковныя собесѣдованія священниковъ съ прихожанами. Такія собесѣдованія ведутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Кіевской губерніи. Они обыкновенно состоятъ въ томъ, что по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣда или послѣ вечерни, въ церкви или около церкви священникъ предлагаетъ прихожанамъ бесѣды по предметамъ вѣроученія или нравоученія христіанскаго, объясняетъ Евангеліе, предлагаетъ назидательное чтеніе, при чемъ обращается съ вопросомъ къ слушателямъ объ изъясненномъ или прочитанномъ и разрѣшаетъ ихъ вопросы и недоумѣнія. Собесѣдованія эти служатъ лучшимъ средствомъ пастырскаго учительства и должны быть поставлены гораздо выше проповѣди, какъ допускающія живыя отношенія между священникомъ и прихожанами, весьма много содѣйствующія усвоенію и уясненію предметовъ собесѣдованія. И вездѣ, гдѣ такія собесѣдованія существуютъ, они оказываютъ величайшую пользу и принимаются народомъ съ глубокимъ сочувствіемъ. По формѣ они большею частію, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и Петербургѣ, бываютъ систематичны, состоятъ въ послѣдовательномъ объясненіи истинъ вѣры или нравственности, изъясненіи богослуженія или изложенія священной исторіи. Но это строго-систематическая форма, наиболѣе умѣстная для болѣе развитыхъ слушателей, и вообще строго-церковный характеръ собесѣдованія не составляютъ необходимыхъ условій для цѣли собесѣдованія. Возможны и полезны и собесѣдованія не только не систематическія, но и допускающія отступленія отъ предметовъ собственно церковнаго ученія и назиданія и уклоняющіяся въ область бытовыхъ житейскихъ вопросовъ и нуждъ прихожанъ. И при такомъ характерѣ они могутъ имѣть не менѣе важное значеніе, расширяя кругъ пастырскаго вліянія и своею простотою и непринужденностію еще болѣе содѣйствуя сближенію священника съ прихожанами. Примѣръ такихъ простыхъ и разнородныхъ собесѣдованій представляетъ и рекомендуетъ своимъ собратіямъ авторъ „Записокъ сельскаго священника", помѣщенныхъ въ Русской Старинѣ за минувшій и настоящій годы. На подобныя оригинальныя собесѣдованія мы и хотимъ указать, какъ на примѣръ достойный подражанія.

Правдивый и добросовѣстный авторъ этихъ весьма интересныхъ записокъ, выясняя вообще свои отношенія къ прихожанамъ, говоритъ, что у него отношенія къ нимъ самыя дружелюбныя. „Трудно, говоритъ онъ, встрѣтить такихъ добрыхъ прихожанъ, которые съ такимъ почтеніемъ относились бы къ своему священнику, какъ относятся мои ко мнѣ. Иду или ѣду по улицѣ, и не говоря уже о томъ, что всѣ взрослые издалека встаютъ и стоятъ безъ шапокъ,—вся мелюзга, дѣти кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: «а, а!» и кланяются. Лошадей своихъ я не держу и меня все возятъ прихожане. Куплю, напр., пятериковъ пять дровъ, верстъ за 20 отъ села, пишу деревенскимъ старостамъ записки, и на другой день подводъ 80 привезутъ мнѣ дровъ; куплю для коровъ сѣна—привезутъ и это. Вычиститъ пригороду, куда выпускаются коровы, вывезти со двора снѣгъ, набить ледникъ—все это дѣлаютъ прихожане. Передъ свадьбами идутъ ко мнѣ за совѣтомъ: взять ли за сына дочь у такого-то крестьянина, или отдать ли дочь такому-то? Приколотитъ пьяный мужикъ свою жену,—и она идетъ ко мнѣ съ жалобой. Крайне рѣдки случаи, чтобы пьяный мужикъ прошелъ мимо моего дома,—непремѣнно постарается пробраться гдѣ нибудь по закоулкамъ, чтобы и не видитъ его. Слово мое въ приходѣ есть законъ... За требы я лично самъ ничего не беру, все беретъ мой дьяконъ. Но никогда и никого не стѣснитъ и онъ. Другой священникъ получалъ бы, на всей вѣроятности, доходу втрое больше, чѣмъ мы; но мы не думаемъ, чтобы что нибудь теряли и мы. Своимъ трудомъ прихожане наверстываютъ намъ то, чего на додаютъ деньгами. Для крестьянина выгоднѣе съѣздитъ намъ за дровами, чѣмъ отдать лишній рубль за требу, а для насъ это все равно. Взятый мною рубль я отдалъ бы ему же за подводу. Значитъ, что мы въ барышахъ оба и при этомъ находимся въ хорошихъ отношеніяхъ".

Какъ же могли установиться такія добрыя отношенія между священникомъ и прихожанами? Конечно здѣсь много зависѣло отъ личнаго характера священника; но какъ на самую естественную и ближайшую причину этихъ дѣйствительно рѣдкихъ, дружелюбныхъ отношеній авторъ указываетъ на свои постоянныя отеческія собесѣдованія съ прихожанами. Характеристическими чертами рисуетъ онъ эти бесѣды. «Лѣтомъ, говоритъ онъ, по праздникамъ, у утрени въ церкви народу у насъ бываетъ довольно много. Послѣ утрени я выйду на амвонъ, просто безъ эпитрахили, прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще что нибудь, спрошу: поняли ли, нѣкоторыхъ прошу и разсказать, что говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви, а церковь у насъ большая, крыльцо тоже высокое и большое, сяду, около меня посядутся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу, я и читаю, и толкую съ

ними часъ или полтора. Тутъ дѣло идетъ у насъ запросто: тутъ я выслушиваю вопросы и сужденія каждаго, тутъ мы не стѣсняемся совсѣмъ другъ друга. Самое же главное: послѣ обѣдни я объявляю, что я пріѣду въ такую-то деревню. Управившись въ церкви со всѣми молебнами, крестинами и проч. придешь домой, напьешься чаю, закусишь, а иногда и нѣтъ, и поѣдешь. Въ назначенномъ домѣ меня уже ждутъ человѣкъ 20. Увидятъ въ деревнѣ, что я пріѣхалъ, соберется и еще человѣкъ 50, иногда и больше, и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совсѣмъ уже свои люди: и я безъ рясы, и слушатели мои въ чемъ попало. Здѣсь я читаю, разсказываю; мнѣ дѣлають вопросы, я дѣлаю, и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно пріѣзжали молокане, верстъ изъ за 300, жили три дня и говорили вотъ что; или скажутъ раскольники были и говорили вотъ что. Я конечно объясню на толки тѣхъ и другихъ. Тутъ толкуемъ мы и объ хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, обо всемъ. Въ 1879 году мнѣ передали даже такія вещи: на прошлой недѣлѣ, говорятъ мнѣ, шли два мужичка въ Кіевъ къ св. мощамъ, чьи-то, говорятъ, дальніе; одинъ изъ нихъ отбилъ ноги; и они прожили у насъ три дня. Все распрашивали они, какъ мы живемъ, много ли у насъ земли, много ли платимъ податей; все жалѣлъ, что у насъ земли мало, что казенная земля дорого арендаторами сдается, что мы бѣдны. Скоро, говорили они,—всю казенную землю раздадутъ по мужикамъ, что всѣмъ губернаторамъ прислана отъ Государя бумага, чтобы раздать всю землю, а податей брать одну половину; что въ Вологодской губерніи роздали ужз по крестьянамъ, а подать уже сбавили, что они проходили чрезъ эту губернію и сами все это видѣли. Матвей К. (хозяинъ дома) сказалъ имъ: этого быть не можетъ, гдѣ же будутъ деньги брать солдатъ содержать, чиновникамъ жалованье давать? Я былъ въ Турціи, въ Іерусалимѣ,—вездѣ подать платятъ и солдатъ держатъ и жалованье чиновникамъ платятъ. Какъ они на него прикрикнутъ»!

Авторъ рекомендуетъ своимъ собратіямъ испытать это средство для сближенія съ прихожанами, какъ самое лучшее, если не единственное изъ всѣхъ, хотя и не скрываетъ всѣхъ трудностей этого дѣла. «Но въ собраніи, прибавляетъ онъ, запросто, безъ всякихъ церемоній,—видѣть въ народѣ эту вѣру, эту готовность и жажду слушать тебя, это довѣріе, забываешь всякій трудъ и умиляешься самъ до глубины души. Это лучшее средство и научить чему нибудь«.

Дай Богъ, прибавимъ мы съ своей стороны, видѣть побольше такихъ собесѣдниковъ между нашими особенно сельскими пастырями!

Замѣтка сельскаго священника по поводу статьи **„жгучіе вопросы современнаго пастырства“** („Руководство для сельскихъ пастырей“, 1880 г. № 35 и 36).

Прочитавъ означенную статью, и я немощный рѣшаюсь съ своей стороны заявить, что дѣйствительно сельскіе прихожане во многихъ мѣстахъ и Кіевской епархіи не знаютъ необходимыхъ молитвъ. Не берусь объяснять причину такого печальнаго явленія и не осмѣливаюсь излагать программы для своихъ собратій, какъ нужно дѣйствовать, чтобы прихожане знали отчетливо необходимыя молитвы, предоставляя это людямъ болѣе опытнымъ; но не могу умолчать о томъ, что есть возможность пастырю церкви побудить прихожанъ изучить необходимыя молитвы, нужна только, со стороны священника, твердая воля, христіанское терпѣніе, безкорыстіе и умѣнье вести дѣло. Для доказательства изложеннаго привожу фактъ изъ своей 21-лѣтней практики. Въ 1859 году я былъ рукоположенъ во іерея въ седмикласный приходъ N чигиринскаго уѣзда. Въ приходѣ этомъ, до моего поступленія, десять лѣтъ приходская церковь была по ветхости запечатана, помѣщиковъ-католиковъ было ровно 11-ть, прихожане были все народъ бѣдный, четвертая часть изъ нихъ жила бѣдно, изъ 104 домохозяевъ 86 въ разное время проходили должности лакеевъ при господскихъ дворахъ, дѣвицы съ 16 до 18 лѣтъ обязаны были прослужить при панскомъ дворѣ и являлись въ домъ родительскій въ странномъ положеніи; всякаго рода безнравственность была въ приходѣ явленіемъ обыкновеннымъ, весьма многіе не говѣли лѣтъ по пяти и по шести. Этотъ несчастный народъ не только не зналъ необходимыхъ молитвъ и главнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей, но и не зналъ, что нужно произносить при осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, которое творилось пятерней по католическому обычаю, перенятому въ находившемся тутъ же костелѣ, гдѣ эти крестьяне часто бывали вмѣстѣ съ господами. О пьянствѣ и воровствѣ и говорить нечего. Съ помощію Божіею въ теченіи 18 лѣтъ всѣ мои прихожане поголовно изучили всѣ необходимыя молитвы твердо и толково, ко храму Божію сдѣлались прилежны, нравственны, богобоязненны; о чемъ можетъ засвидѣтельствовать нынѣшній священникъ о. А., третій настоятель послѣ моего перемѣщенія въ другой приходъ, гдѣ я тоже руководствуюсь однимъ и тѣмъ же планомъ и вижу очевидную пользу

отъ таковаго. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ теченіи 21 лѣтней своей службы я никогда не требовалъ платы отъ прихожанъ за требоисправленія, совершалъ Богослуженія часто и съ подобающимъ благоговѣніемъ, при каждомъ произносилъ поученія, объяснялъ все необходимое для прихожанина—какъ христіанина, раздѣлялъ горе и радость съ прихожанами; самъ не употребляя вовсе водки, преслѣдовалъ пьянство; заведши въ 1860 году приходскую школу, я требовалъ, чтобы изъ каждой семьи ходило дитя въ оную; въ школѣ ровно 12 лѣтъ я самъ занимался съ учащимися, а 6 лѣтъ, когда были назначены двое учителей, читалъ только законъ Божій. По моему приказанію школьники дома читали молитвы громко, а родители съ остальнымъ семействомъ слушали. Въ церквахъ, по окончаніи вечерни, утрени и предъ литургіею послѣ часовъ школьники читали важнѣйшія молитвы по книгѣ. Во время исповѣди каждаго я заставлялъ читать молитвы, пользуясь обычаемъ въ этомъ приходѣ говѣть съ понедѣльника до субботы. При посѣщеніи домовъ прихожанъ съ молитвою, крестомъ и св. водою заставлялъ читать дѣтей молитвы, знающихъ одѣлялъ гостинцами, а не знающихъ вразумлялъ. Воспріемники при крещеніи, сумволъ вѣры обязаны были говорить сами. Брачущимся за три недѣли дѣлался экзаменъ въ знаніи молитвъ, предъ самимъ бракомъ женихъ и невѣста обязаны были читать молитвы въ храмѣ правильно. Незнающихъ молитвъ никогда не вѣнчалъ даже изъ другихъ приходовъ, пока не изучили что нужно. Въ послѣобѣденное время, по праздникамъ, въ училищѣ собравшейся молодежи читалъ житія святыхъ, объяснялъ молитвы и обучалъ даже неграмотныхъ пѣть, вмѣсто срамныхъ пѣсенъ, Царю Небесный, Пресвят. Троице, Отче Нашъ, Сумволъ Вѣры, Богородице Дѣво, Достойно есть, О Всепѣтая Мати, Дивное Имя Твое, Славословіе великое. Давалъ школьникамъ на домъ переводъ молитвъ Чемены и велѣлъ читать по вечерамъ домашнимъ, при случаяхъ спрашивалъ родителей, о чемъ читали имъ дѣти. Теперь благодаря Бога въ приходѣ N. всѣ прихожане знаютъ прекрасно молитвы, молодежь кромѣ церковныхъ пѣсень почти ничего не поетъ. Пьянство, предразсудки, свадебныя выдумки давно канули въ вѣчность. Въ приходѣ теперь красуется прекрасная церковь, два училищныя зданія, новозаведенные молодые сады, вѣтряныя мельницы, и народъ живетъ въ достаткѣ. При личномъ свиданіи многіе изъ прихожанъ благодарятъ меня за понесенные труды. Сосѣдніе прихожане открыто говорятъ, что прихожане N. переродились при батюшкѣ N. Не скрою впрочемъ, что въ приходѣ N. я за свою благую и твердую волю много перенесъ несчастій и непріятностей не только отъ владѣльцевъ поляковъ, ксендзовъ мѣстнаго костела, неопытныхъ прихожанъ, подстрекаемыхъ темными личностями, не трезвыхъ причетниковъ, но даже отъ мѣстныхъ духовныхъ властей, которыя не рѣдко изъ мухи дѣлали слона. Итакъ по моему мнѣнію, нужны со стороны пастыря церкви трудъ, крѣпкая воля, терпѣніе и умѣніе вести дѣло.

Сельскій Священникъ.

Профессоръ *А. Вороновъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе: *Часть неоффиціальная.* Въ чемъ обвиняютъ духовенство и справедливы ли эти обвиненія?—Еще два слова объ отношеніи свѣтской литературы къ духовенству.—Собесѣдованія и ихъ значеніе для сближенія священника съ прихожанами.—Замѣтка сельскаго священника.—Объявленія.

Печатать дозволяется. 21 сентября 1881 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.